

Женя Осинкина против усатого призрака

В книжных магазинах любят для удобства читателей систематизировать товар. На детских полках тоже рубрикация: в одном месте энциклопедия, в другом «Школьная библиотека», в третьем сказки... Но вот вышла книга, которую можно и **нужно** поставить сразу во все разделы: в энциклопедии, в приключения, в историю, в детский детектив, а также в книги для мальчиков и книги для девочек (как будто одни книжки там «из улиток, лягушек», а другие «из конфет и пирожных!»). Вот только среди фэнтези ей не место: в книге содержится правда, правда и ничего, кроме правды. Впрочем, как будет видно дальше, своим появлением на свет она во многом обязана ученику школы Хогвартс.

Если читатель, полюбивший «Дела и ужасы Жени Осинкиной», захочет прочесть еще что-нибудь того же автора, то будет так же озадачен, как когда-то английская королева: ей понравилась сказка про Алису в Стране чудес, она велела принести другие сочинения Льюиса Кэрролла, и ей доставили математические трактаты. Нет, Мариэтта Чудакова, насколько нам известно, математических трактатов не пишет. (Хотя... если бы захотела, возможно, и написала бы — сочинила же она в свое время, чуть ли не на пари, несколько фантастических рассказов, а в новой книге есть целая футбольная глава, написанная с полным знанием дела.) Ее ставшие классическими работы посвящены русской литературе: творчеству Булгакова, Олеси, Зошченко, она доктор филологических наук, профессор московского Литературного института. Но едва

ли не больше, чем литературовед, Мариэтта Чудакова известна как общественный деятель. С 1994 по 2001 годы она раз в неделю, отложив все академические и личные дела, приходила на заседание Комиссии по помилованию при Президенте России и занимала свое место в просторном кабинете Анатолия Приставкина, рядом с Булатом Окуджавой, Валерием Борщевым, Феликсом Световым, Юрием Крелиным... Комиссия была распущена примерно тогда же, когда был слегка подчищен и реанимирован сталинский гимн. Пользуясь недавно предложенным самой Мариэттой Омаровной сравнением, история с гимном была выстрелом стартового пистолета. Куда бежим? Одни тянут вниз — в атавистические времена, а с горки ноги сами поспевают. Другие зовут вверх по лестнице эволюции, к нормальному обществу. Тут дорога потруднее. Кто скорее? Не знаю, есть ли у Чудаковой спортивный разряд, но азарта и упорства для марафона по пересеченной местности с полной выкладкой ей не занимать.

Когда накануне шестидесятилетия Победы поползли разговоры об увековечении заслуг вожда народов, она выступила против этих планов в печати, в Интернете, по радио и ТВ. «Сегодня оживленный разнородными усилиями призрак движется по стране, — говорилось в одной из статей. — Поводя усами, высматривает места для воплощения. Уже, кажется, нашел, и не одно. Он не остановится, если его не остановить».

Остановить усатый призрак призвана и Женя Осинкина.

В то же время поняла, сколь наивны рассуждения о том, что должно смениться несколько поколений и тогда все будет хорошо. Потому что если сегодняшнее поколение, не стесняясь, делится при своих детях такими сугубо деструктивными соображениями: в России все плохо, ничего нельзя поправить, от нас ничего не зависит и так далее, — то из этих детей не могут получиться деятельные граждане, способные что-то изменить в своей стране. Такие родители лишают детей того, что ничуть не менее важно для них, чем витамины или кальций, и просто необходимо для формирования основ человеческой личности, лишают ощущения своего всемогущества, своей нужности, эффективности. Тогда я начала думать над тем, что надо как-то воздействовать на юное поколение, не дать разочаровавшимся взрослым, — прибегну к сильным выражениям, — душевно погубить их. А тут как раз все были увлечены Гарри Поттером, и я решила посмотреть, что же это такое. Стала, тратя деньги тайком от семьи, покупать том за томом и прочитала первые три один за другим с огромным увлечением, как в детстве. Меня захватил сюжет, обаяние героя. Но за четвертым уже не пошла: насытила интерес. И подумала: как же глупо получается! Раз-

ве невозможно предложить нашим подросткам увлекательную историю российского героя? И хотя я ничего не имею против «Гарри Поттера», но почему они должны читать исключительно про него? А кроме того, нельзя же жить только в фантастическом мире? Каким же образом мы их адаптируем к социальной реальности, в которой они нужны сейчас и понадобятся еще больше вскоре? Тогда у меня полностью созрела мысль написать книгу для детей, но еще оставалась надежда: может, что-нибудь подобное уже написано и я могу успокоиться и заняться своими научными делами. Я опять побежала в книжный, опять потратила большие деньги и купила кубометр детской литературы, то есть решила, прежде чем принимать довольно серьезное решение, изучить вопрос. И убедилась, что все это, как я неустанно повторяю, литература для троечников, нормальному ребенку там читать нечего, а можно только, слюнявая палец, проглатывать эти тоненькие книжки. Я увидела, что в нынешней литературе абсолютно отсутствует различие добра и зла. Я имею в виду не фантастическую, но абсурдистскую литературу, а ту, которая берется описывать сегодняшнюю реальность. Она с реальностью ничего не имеет общего,

ее обратиться к детям, Мариэтта Омаровна ответила:

— Гражданское чувство. Года три назад, оглядываясь вокруг, я впала в большой пессимизм относительно взрослого населения нашей страны, а

кроме каких-нибудь вовремя подслушанных хулиганских реплик. Мало того: такое впечатление, что авторы вообще не задумываются над проблемами, над которыми должны задумываться герои и читатели двенадцати — четырнадцати и даже десяти лет. А это возраст огромной важности в жизни человека.

Я имею в виду то, что пишется сегодня. У нас ведь есть прекрасные детские книги, некоторые из них, написанные главным образом в конце тридцатых годов, сохранили свое значение для подростков до сих пор. Я считаю, это был период взлета детской литературы.

— Взлет в конце тридцатых? — оторопела я. — Вот уж, кажется, не самое окрыляющее время!

— Литература — такой же сложный организм, как сам язык. Мы никогда не устроим, что именно из социальной обстановки повлиало, например, на то, что русские люди стали произносить «дома» вместо «домы». Хотя литература и зависит от социальной реальности, а в Советском Союзе особенно сильно зависела, но все же не на сто процентов. А иногда зависела очень опосредованно, не напрямую. Представьте себе, что ощущение прокатившейся волны немислимого террора привело к поискам идиллической реальности. Поскольку все равно террор было изображать нельзя. Когда-то Анна Ахматова сказала, что в «Повестях Белкина» концовки благополучные потому, что Пушкин перед женитьбой бессознательно стремится заглянуть судьбу. Может быть, и тут что-то в этом роде. Так, например, в «Тимуре и его команде» проблематика сугубо моральная. Казалось бы, такие вопросы могут решаться только в обществе, где нет такого кропопийственного давления на гражданина. И вот они решаются! «Два капитана», «Марка страны Гонделупы», «Дикая собака Динго», «Тимур и его команда» — прекрасные произведения, которые сейчас можно спокойно перечитывать.

И тут я вспомнила, что Мариэтта Омаровна и прежде настолько высоко ставила повесть Гайдара, что даже проводила аналогию между Тимуром и пушкинским Петром Гриневым, Женей и капитанской дочкой Машей Мироновой. Да ведь и ее собственную героиню зовут Женя! Только спасают не ее, а невинно осужденного на пожизненное заключение Олега Сумарокова, который, как Тимур, основал некое таинственное благородное Братство. Об этом Братстве, как обещает автор романа, будет подробнее рассказано в следующих частях, пока же ясно, что все его члены, очень не похожие друг на друга и живущие в разных концах России, готовы «действовать не во зло, а во благо, не для себя, а для других — для тех, кто в силу возраста, болезни или обстоятельств беспомощен и нуждается в их помощи».

— Итак, — продолжала Мариэтта Омаровна, — я приняла очень важное, идейное решение. Для меня это означало отвлечься от своей работы, которой я увлечена сверх всякой меры. Придумала сюжет, подкрепила собственными поездками по стране. Я решила, что это должно быть путешествие. Как раз в тот год я трижды проехала по пять тысяч километров по стране, от Москвы до Горного Алтая, по гуманитарным делам, и часть поездок совершила на машине, например в ту сторону ехала, обратно летела, или наоборот. Мы несколько раз отправляли с машиной вещи и игрушки для детского туберкулезного санатория, которым я занимаюсь. В приложение к этому грузу я и ездила, по пути все обдумывая и записывая. Первый том, путешествие Жени, состоит из реалити, которые узнают подростки, живущие в этих местах, они увидят, что это не выдуманно. Я ехала с картой в руках и следила.

Иллюстрации
Веры Коротяевой

Действительно, дорога Жени из Москвы в Тюкалинск описана точнейшим образом: «Переехали реку Ардовать, затем Сызранку — 35 километров до Сызрани, 240 до Самары. Пошли пологие всхолмия, простерты до самого горизонта. Жене казалось, что и дышится здесь по-другому, чем в Москве, — полной грудью». С такой любовью Конан Дойл описывал свою Англию, которую исколесил его Шерлок Холмс, а Сельма Лагерлеф — Швецию. Названия живые, говорящие, какими восхищаешься, когда читаешь их на дорожных указателях или на платформах городков и полустанков: Похвистнево, Клявлино, Щучье, Шумиха, Ялуторовск...

— А речки Уй и Ай, которые у вас упоминаются, тоже есть на самом деле?

— Да, хотя Женя моя не поверила, они существуют. Согласитесь, что это забавно!

Действительно, забавно. В книге много забавного, еще больше захватывающего интересного, немало и такого, о чем как-то не принято говорить с детьми. Например, о чеченской войне. У одного из героев рома-

на, генерал-лейтенанта Шуста, «был свой и совершенно определенный взгляд и на первую, и на вторую чеченские кампании, очень и очень расхолодившийся с государственной политикой России — равно как и с мнением многих ее граждан, сожалующих, что власть не взяла за образец действия Сталина и не свела всех чеченцев вообще под корень». Сын этого генерал-лейтенанта погиб 31 декабря 1994 года во время безнадёжной, предпринятой по капризу министра обороны попытки взять Грозный. «Тело его долго валялось тогда на одной из улиц Грозного вместе с десятками (говорили, что и сотнями) тел других участников кровавого и бессмысленного боя». Есть среди героев скинхед, вспоминающий, как с наслаждением бил с пацанами в центре Москвы витрины, опрокидывал и жег машины, орал: «Россия для русских, Москва для москвичей!», — а по-

том с глухим отвращением вспоминал заблеванную и залитую мочой Тверскую. (Впрочем, Скин — тоже член Братства, вместе с знающим наизусть «Евгения Онегина» Ваней Бессоновым и знатоком Булгакова и Толстого Томом Мэрфи.) Есть полковник ГИБДД — грабитель, следователь, пытающие обвиняемого, киллеры, уродующие лицо жертвы...

— Мариэтта Омаровна, обычно родители стремятся оградить детей от черных сторон действительности, от всего, что могло бы травмировать детскую психику, а у вас трупы на улицах Грозного, погром на Тверской...

— Родители прекрасно знают, что все это ребенок видел по телевизору. Я же показываю это в облагороженном, пронизанном светом разума виде, даю пищу для размышлений. Телевизор рассчитан на потребление, книга же волей-неволей включает человека в акт осмысления того, что он читает. А когда подросток сидит с банкой кока-колы или пива перед телевизором, у него создается впечатление, что все это к нему не относится — так, череда картинок. Книга не дает такого комфорта, не оставляет человека пассивным.

— Как вы себе представляете своих читателей?

— Я вижу их ясно. Прекрасно помню себя в этом возрасте, помню ровесников. Они были очень разные. Я представляю себе не двоечника или троечника, а неплохо учащегося подростка, который, если не вообще любит читать, то не прочь прочитать заинтересовавшую его книжку. Я спросила у московской девятиклассницы, сколько, по ее мнению, в ее классе человек прочитали за лето не то чтобы до конца, но хотя бы значительную часть «Войны и Мира». Она сказала: «Пять-шесть, может быть, семь человек». Кажется, мало. Но это огромная цифра в пределах страны. И я подумала: уж если подросток способен читать «Войну и Мир» и не бросает на первой странице, то как-нибудь мое скромное повествование он осилит. Мою книгу прочли даже дети восьми и десяти лет. Пусть кто-то не все поймет. Как мы с вами читали в этом возрасте, когда брали что-то себе не по плечу? Какую-то часть прекрасно понимали, а потом возвращались, понимали больше. Книжки — это долгоиграющие пластинки, они не должны быть сразу исчерпаны. Я разговариваю с

подростками так, как хотела бы, чтобы разговаривали со мной, когда мне было десять-двенадцать лет.

Надо сказать, читатели ценят уважение, с которым отнесся к ним автор. Я провела опрос такого же социологического размаха, как Мариэтта Омаровна, — допросила одного подростка, который, если не вообще любит читать, то не прочь прочитать заинтересовавшую его книжку. Он просидел весь день тихо-тихо, запершись с «Женей Осинкиной» в своей комнате, а под вечер вышел, пошатываясь и облизываясь, и сказал: «Ничего себе книжечка». Про черные стороны жизни он действительно понял не все, но многое, и здраво рассудил, что «детям хорошо и полезно знать про свою страну и хорошее, и плохое». Больше всего ему понравилась «само расследование» и то, что его ведут дети. «Наверное, если бы взрослые захотели, они бы все отыскали гораздо раньше. Но взрослые — у них как будто бы эту часть мозга просто выключили, как утюг или телевизор. А у детей нет!» Он страстно желает, чтобы злодеи были разоблачены, и впервые в жизни задумался о смертной казни. Теперь он ждет вторую часть и надеется, что Мариэтта

Омаровна, как обещала, возьмет его с собой изменять Россию.

Между прочим, для этого необязательно совершать подвиги и искать убийц, — можно начать с уборки своего двора или, по примеру Фурсика, выносить из вагонов метро валяющиеся под ногами пустые бутылки. «Другие посмотрят — и у них какая-то струнка дрогнет», — уверен десятилетний читатель. И все же...

— Мариэтта Омаровна, вы полагаете, что небезнадежны попытки воспитать в детях свободу — ведь именно в этом цель и смысл вашей затеи, — если ее нет в окружающих их взрослых?

— Наоборот, я считаю, что это очень возможно! Моя руссоистская мысль заключается в том, что человек рождается свободным, а потом инстинкт свободы подавляется. Но ведь это происходит постепенно. Мы знаем, как ведут себя двух-трехлетние дети. Они хотят настоять на своем. Но родители начинают подавлять свободу с пеленок. Я всегда с отвращением смотрела на матерей, которые кричат: «Не бегай — упадешь, испачкаешься, разорвешь!» Сковывать естественное жела-

ние ребенка бегать — просто подло! Потом ребенок попадает в детсад, где ему уже просто кричат: «Иванов, вернись назад!» — по фамилии, я своими ушами слышала, иначе не поверила бы. Но если свободу не попирают, так ребенок и будет свободным. Свобода основана на уверенности человека в том, что он нужен, что от него нечто зависит. Ребенку свойственно считать, что он многое может, и это тоже нельзя подавлять. Если ему всё приносят в готовом виде, это развивает пассивность, а пассивный человек не свободен. Я показала ситуацию, при которой от подростков зависит очень многое: справедливость, жизнь человека.

— Вы уже знаете, что будет дальше, в следующих частях?

— Конечно. Много из второй части уже написано. А задумано сразу, я написала синопсис путешествия в трех томах, хотя на ходу многое меняется. Надеюсь, когда Женя вернется в Москву, начнется новая серия дел и ужасов.

— А вы не предполагаете обратиться еще и к детям другого возраста?

— Я начала книгу для детей восьми-девяти лет. Это будет беллетристика, но с историческим содержанием. Нако-

нец, я пишу — тоже уже приступила — историю России XX века простым языком, для всех, от школьников до их родителей, бабушек и дедушек. Примерно на 120–150 страниц, не больше. Именно в этом задача: чтобы мог прочесть любой человек. Есть масса интересных книг об этом и о том, что происходило у нас в последние двадцать лет, например в книге Егора Тимуровича Гайдара, но такие книги читают специалисты. А книг по современной истории для массового читателя остро не хватает. Трезвость взгляда — признак взрослости.

Надо не быть инфантильными, взглянуть трезво на историю своей страны и понять, что XX век был трагичным и во многом ошибочным. Что же делать! Мы боимся это признать: как же так, неужели 70 лет не в ту сторону шли? Да, не в ту сторону. Чем резче мы это поймем, тем вернее будем застрахованы от дальнейших ошибок. Иначе можно долго блуждать по лесу, если не отдавать себе отчета, в какой стороне лежит твоя пра-

вильная дорога. И в какой — неправильная! Если четко не понял человек: «На севере болото, я к нему уже подходил!», — то будет постоянно в это болото утыкаться.

Книга Мариэтты Чудаковой «Дела и ужасы Жени Осинкиной» (часть первая: «Тайна гибели Анжелики») уже прошла первые испытания. Едва выйдя в свет, она получила премию «Алые паруса». А искать ее в книжном магазине несложно: она лежит на видном месте, под табличкой «Бестселлеры».

Наталья Мавлевич

